

РЕСПУБЛИКА

АБХАЗИЯ

Республиканское
государственное
учреждение

АПСНЫ
МЕДИА

Газета издаётся с сентября 1991 года

№ 56 (4263) · 3 августа 2023 г.

ОСТАВШИЕСЯ ЛЕГЕНДАМИ ИСТОРИИ...

К пессимистам я себя не отношу, но ощущение, что в современном мире намечена тенденция к утрате высоких идеалов, духовных ценностей, нравственных принципов, есть. А чтобы их сохранить, нужно воспитывать в социуме такие качества духа как героизм, благородство, самоотверженность, ведь именно они на протяжении веков определяли ход истории, судьбы людей, наций, народов. И потому в истории всех народов и государств отражены поступки людей, которые можно назвать героическими. Ибо героизм в человеческой личности формируется прежде всего знанием истории своей страны, лучших традиций своего народа, уверенностью в правоте дела, ради которого люди шли и идут на подвиг.

Я хочу вспомнить людей, к кому применимо то, о чем я написала выше.

Адгур Инал-ипа и Мушни Хварцкия. Это представители той интеллектуальной элиты поколения, которая во многом предопределила путь, выбранный новейшей Абхазией.

И если с семьёй Адгура мою семью и меня в том числе, естественно, связывали давние родственно-дружеские отношения (его супруга, органистка Марина Шамба доводится нам близкой родней), то о Мушни я слышала в той среде, в которой росла.

Оба они – учёные, оба разносторонне образованные, оба опередили время в открытиях, оба – участники национально-освободительного движения, оба красавцы.

Я часто вспоминаю, когда еще студенткой АГУ бегала в библиотеку АбНИИ – красивое здание на сухумской набережной, которое осенью 1992 года, в дни нашей войны было сожжено вместе с его уникальным архивом и библиотекой, где мне выдавали книги по истории. Я встречалась с теми, кто там работал, я здоровалась с ними, и они со мной. Может среди них был и Мушни?

Адгура я встретила утром, когда он отводил своих детей в школу. Потом в школе на перемене я, уже как старшая по возрасту, ловила Наалочку с ее двоюродными сестрами Ниной и Сарией Колбая, целовала каждую по очереди. До сих пор какое-то ощущение моего старшинства не проходит.

Август 14-го 1992-го поделил нашу жизнь на «до» и «после». И в Сухуме, на Красном мосту, в первый день нашей войны ожидаемо оказались и Мушни, и Адгур.

И для меня остались символами: взгляд Адгура – пронзительная, говорящая фотография, сделанная оператором абхазского телевидения 14 августа. И – Мушни – с одухотворенным лицом настоящего горца, спокойно доносящий нашу позицию, и его слова: «Мы выживем в другом качестве, более добром, более мужественном, более честном! Мы возродимся!» – в интервью российскому журналисту, когда стали активнее наши военные действия.

Адгур начал свой боевой путь в батальоне Мушни Хварцкия на Гумистинском фронте. Потом были его поездки

в Москву для установления контактов, способных помочь в вооружении, благо в Москве есть его коллеги, которые идут навстречу.

Хочу немного рассказать его биографию и о его достижениях как ученого. Адгур, который родился в семье известных учёных-историков Шалвы Денисовича Инал-ипа и Миры Константиновны Хотелашвили, выбрал профессию далёкую от призвания родителей, как, кстати, и его сестра Арда, которая стала психологом. А Адгур, еще учеником старших классов в 1969 году совершив восхождение на Эльбрус, увлекался поиском месторождений полезных ископаемых, постоянно совершая путешествия по горам Абхазии, стал физиком. После окончания в 1976 году физического факультета Тбилисского государственного университета, он в том же году начал работать в Сухумском физико-техническом институте в должности

инженера-физика, а затем и в Абхазском государственном университете на физико-математическом факультете.

В 1987 г. Адгур Инал-ипа окончил аспирантуру в Институте космических исследований (ИКИ) АН СССР в Москве. В 1991 г. там же успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Лабораторное моделирование дистанционного ионного зондирования поверхности Фобоса». Молодой абхазский физик участвовал в международных научных проектах по изучению кометы Галлея и спутника Марса Фобоса. Одной из целей его работы была подготовка аппарата для осуществления ионного зондирования поверхности Фобоса. Аппаратура, в создании которой активно участвовал Адгур, установлена на межпланетной станции «Фобос», которая была запущена в Космос в 1988 г. Эксперименты предназначались для получения новых данных, необходимых для более глубокого понимания процессов происхождения Солнечной системы. Адгур Инал-ипа автор 17 опубликованных научных работ. Он одним из первых стал активно внедрять цифровые технологии в Абхазии, подготовил первый компьютерный шрифт для АбНИИ, а также создал компьютерную карту Абхазии с обозначениями на русском и английском языках. В период Отечественной войны народа Абхазии 1992-1993 годов Адгур

Инал-ипа возглавил военно-техническую группу МО РА по разработке радиоуправляемых морских надводных аппаратов. Уже в сентябре 1992 года группа начала работать сначала в Гудауте, а затем в Пицунде на военно-промышленном предприятии «Касатка». Причём все это делалось в непростых условиях блокады Абхазии, при нехватке оборудования, ряде многих других проблем. Проект был, можно сказать, фантастическим в те времена, ибо аналогов ему не было.

Мне много рассказал об Адгуре Инал-ипа и Мушни Хварцкия поэт, писатель, литературовед, критик, журналист, общественный и государственный деятель Владимир Зантария. Привожу его слова.

«Адгур Шалвович Инал-ипа, в моем представлении и понимании, выдающаяся универсальная личность. Думаю, если бы не наша война и его гибель на поле брани, он был бы одним из крупных ученых, ин-

женеров-физиков советской эпохи, глубоко исследовавших столь актуальные проблемы новейшей космической отрасли отечественной науки.

Глубокие знания Адгура Инал-ипа оказались чрезвычайно востребованными в процессе создания радиоуправляемых лодок-ракет во время грузино-абхазской войны в 1992-1993 г. Группой руководил лично Адгур Шалвович. Образцы этого вооружения были не только созданы в кратчайшие сроки, но и испытаны, успешно использованы для поражения надводных целей противника.

Будучи одним из руководителей Абхазской телерадиокомпании и военкомом я приехал на техническую базу в Пицунде, видел, как слаженно работала группа наших молодых ученых под руководством Адгура. Причем делали они свое дело скромно, не афишируя результаты сложнейшего интеллектуального труда. Думаю, было бы достаточно его участия в разработке стратегически важных военных приборов, чтобы внести свой весомый вклад в борьбу за Победу в нашей Отечественной войне. Но Адгур был человеком глубоко идейным, волевым, решительным, и никто не смог удержать его от участия в непосредственных боевых действиях по освобождению Сухума. Погиб смертью храбрых. Награжден орденом Леона.

С Мушни Хварцкия я познакомился в дни создания Народного форума Абхазии «Аидгылара» в конце 1988 года. Помню, Мушни носил полевую перекидную сумку. Он был скуп на слова, вступал в разговор изредка, но говорил только по существу, по делу, процеживая каждое слово, каждую мысль.

Еще задолго до создания организации, сыгравшей значительную роль в борьбе за восстановление нашей независимости, Мушни, не дожидаясь каких-либо указаний сверху, занялся вместе с боевыми друзьями поиском оружия и боеприпасов. Будучи депутатом Первого Парламента, я имел возможность беседовать с ним на разные темы. Из этих кратковременных общений, помимо многих нюансов, я извлек одну, на мой взгляд, главную вещь: Мушни чувствовал нутром, что война с Грузией неизбежна. Опыт, интуиция, прозорливость и достаточная информированность подказывали талантливому историку, археологу, будущему полководцу, что мирными путями добиться независимости невозможно. И поэтому он занимался сугубо военными вопросами молча, тихо, но стабильно и уверенно. Затем он вошел в число тех, кто смог сколотить боевое крыло «Аидгылара» и Полка внутренних войск, созданного решением руководителя нового Парламента Владислава Ардзинба.

Перед войной Мушни вместе с Зазой Зантария заглянул ко мне на квартиру поздней ночью. Жил я в Новом районе. Они решили пообщаться со мной, чтобы пополнить информацию об обстановке в целом. Я, конечно, был человеком не самым осведомленным, но как депутат кое в чем разбирался. За чашкой чая мы обсудили и политические вопросы. Мушни, как всегда, молчал, внимательно слушал собеседников, но в конце вновь подтвердил свою незыблемую уверенность в неизбежности войны. И в мыслях, как мне тогда показалось, он уже рыл окопы, входя в образ неотступного защитника Родины и организатора сопротивления.

Уже во время войны, кажется, в октябре 1992-го, мы с художником Валерием Гамгием решили поехать в Эшеру и пообщаться с бойцами. В момент нашего приезда объявили воздушную тревогу в связи с появлением над Эшерским штабом грузинских боевых вертолетов. Мы вместе со всеми укрылись в Эшерском каньоне. А когда дали отбой, встретились с Мушни. Он тогда командовал Эшерским направлением. Мушни, несмотря на постоянную занятость, пообщался с нами. Чувствовалось, что он был готов к вероломной

(Окончание на 4-й стр.)

С юбилеем, дорогой Сергей!

Наш скромный, приличный товарищ и друг

Наверное, судьба сводит нас друг с другом не зря. И наверное, для того, чтобы мы, общаясь, решая определенные общие или частные проблемы, обретали какие-то навыки, какие-то человеческие качества, которыми ранее не обладали. Наверное, еще и потому мы в этой жизни встречаемся друг с другом, чтобы отработать какие-то кармические узлы, которыми повязали себя в прошлых жизнях. Ведь, согласитесь, иногда кажется, что ты этого человека, с которым только что познакомился, знал и раньше. Может, с последним моим суждением некоторые скептики не согласятся, но в жизни все не так просто, как кажется.

Словом, как бы там ни было, жизнь меня столкнула еще в советские времена (такие уж мы относительно взрослые) с Сергеем Агындиа, когда мы уже тогда занимались журналистикой. Он был заместителем ответственного секретаря газеты «Апсны капш», а я собкором и затем зав. сектором культуры и искусства «Советской Абхазии». Работал Сергей в разные годы затем в журналах «Алашара» и «Амцабз». «Это лучшая пора – работать в журналах, особенно в детском, – вспоминает Сергей. – Тут тебе ни политики, ни промышленности или сельского хозяйства. Чистые детские стихи или рассказы... бери и печатай». Естественно, в тот довоенный период мы с Сергеем общались меньше, наше общение в основном сводилось к обычным приветствиям друг другу.

Грянула грузино-абхазская война, и он оказался уже в другой, тяжелой сре-

де – в Восточной части Абхазии. И стал работать военным корреспондентом газеты «Апсны», пропуская через себя, через свое сердце (не потому ли оно стало сейчас пошаливать – ничто не проходит бесследно, как известно) все те ужасы, невзгоды, потрясения, которые испытывали жители региона и ополченцы – защитники своих очагов, своей Родины.

И как военный корреспондент Сергей Агындиа освещал в прессе работу Объединенной комиссии по контролю за выполнением «Соглашения о прекращении огня в Абхазии и механизме контроля за его соблюдением», подписанного 27 июля 1993 года в г. Сочи. Руководителем российской части Объединенной комиссии, напомним, был Сергей Шойгу, тогда Председатель Госкомитета по чрезвычайным ситуациям России, руководителем абхазской части – Нодар Хашба. В работе Объединенной комиссии участвовали также представители ООН и ОБСЕ.

Десять лет тому назад Сергей Агындиа пришел работать в Союз журналистов Абхазии консультантом. Через какое-то время в этой организации оказалась и я. И открыла его для себя по-новому. Это очень спокойный, уравновешенный человек, готовый помочь, поддержать, подсказать, взять на себя какие-то ответственные дела. Любит пошутить, беззаботно пообщаться. Этому его спокойствию я хотела бы подражать... У Сергея много искренних друзей, которые его любят, и он их – тоже. И сильно любит своих внуков, неизменно встречающих его после работы словами: «Дядука, что ты нам принес?» И конечно же, он к ним является не с пустыми руками.

Часто Сергей сидит за книгой. Заказывает и получает из России не очень дешевую в наше время литературу, но денег на редкие издания он не жалеет.

Много пишет стихов. Об этом мы в нашей газете писали (и в других газетах тоже писалось), печатали его подборки. Стихотворных сборников издано немало. Немало и переводов – его переводят, он переводит. В основном он лирик. Его стихи также философичны. В них серьезные раздумья о жизни, о превратностях судьбы.

Мне приятно в эти дни поздравлять Сергея с юбилеем. Это с удовольствием делают, я тому свидетельница, и другие многочисленные его друзья. Пусть он живет долго и в здравии, а число его друзей только возрастает! И пусть его род увеличивается и живет счастливо со своим сердцем!

Зайра ЦВИЖБА

«Обрати внимание на этого автора»

Сергей Агындиа литератор, который для меня открывает всё новые и новые страницы абхазской литературы. Конечно, отдельных абхазских писателей я достаточно хорошо знал и до нашего знакомства: Дмитрия Гулиа, Шалву Цвижба (с ним – несмотря на большую разницу в возрасте, завязалась довольно-таки серьезная творческая дружба), Баграта Шинкуба, Ивана Тарба и других классиков, но за открытие таких по-своему замечательных авторов, как Энвер Ажиба, Заира Тхайцук, Гунда Сакания, Дмитрий Габелиа, Алхас Чхамалия, я обязан исключительно Сергею Агындиа. Естественно, отдельные произведения этих авторов впоследствии я перевел на армянский язык, и они вошли в мои разные сборники. «Обрати внимание на этого автора» – любимое выражение Сергея Агындиа. И я с его легкой руки «обратил внимание» и на творчество ныне ушедших от нас Сарииона Таркил, Рушбея Смыр, Рауля Ласуриа, Даура Зантария, за что благодарен своему старшему другу. Сейчас по совету Сергея Арушановича знакомлюсь с творчеством интересного молодого поэта Анны Егоян, встреча с которой недавно состоялась в переполненном зале Абхазской филармонии.

После знакомства с Сергеем Агындиа мое знание творчества отдельных писателей начало переходить в понимание абхазской литературы в целом – могучего Древа культуры с сильными корнями и распутившейся кроной.

О том, как я лично познакомился с Сергеем Агындиа, описано в моей книге «Однажды в человеке родится Бог». Я с детства помню, как отец говорил о том, что с ним на Сухумской ткацкой фабрике работает парень, который учится в пединституте и пишет стихи. Но я тогда не запомнил ни его имени, ни фамилии. Прошло много лет, в нашей жизни произошло немало событий, в том числе и война. Уже после смерти отца, случившейся 30 января 1996 года, я с друзьями сидел в кафе «У Фени» (ныне – магазин «Текстильный мир»), где в то время собирались писатели, художники – на проспекте Мира, напротив магазина «Абхазкига». Рядом за соседним столиком какие-то незнакомые мне люди тоже, как и мы, пили кофе с водкой, время было такое – тоже без закуски, и обсуждали какие-то вопросы. Я обратил внимание, что один из них пристально смотрит на меня, а потом спросил: «Вы не сын Айка Сарецяна?» «Да, – ответил я, – он мой отец». «Ты очень похож на отца. Мно-

го лет назад я с ним работал на ткацкой фабрике. Моя фамилия Агындиа. Сергей Агындиа».

Вот так состоялось наше очное знакомство.

Стоит ли говорить о том, что мы подружились. Сергей к этому времени уже был известным поэтом, автором многих книг. Сегодня мы переводим друг друга: я его – на армянский язык, а он меня – на абхазский. Уверен, мой отец поддержал бы нас, обязательно поддержал бы.

Добавлю, что Сергей перевел на абхазский язык и по-женски тихие, но внутренне максимально напряженные, на грани эмоционального взрыва, стихи замечательного армянского поэта Лили Мартоян, которые были опубликованы в газете «Аамта».

К моменту моего знакомства с Сергеем я, поглощенный домашними заботами, практически полностью отошел от литературной работы, и только по его настоятельному требованию вновь вернулся к ней, за что я премного ему благодарен.

Стихотворения Сергея Агындиа лиричны, они тонко передают мельчайшие нюансы душевного состояния автора. Помню, как в пансионате Литфонда один из отдыхающих за чашкой «кофе по-сухумски» под пальмами возле бассейна читал нежные, такие «сухумские» стихи Сергея в переводе Гофмана:

*Майским берегом ступая,
девушка у моря шла
и, весною обдавая,
тайну юности несла.*

*В платье ситцевом, босая,
шла по берегу легко,
волосы перебирая,
в море глядя далеко...*

*Что глядит в простор свободный,
что несёт ей чаек крик?
Может, ветер перелётный
в мысли тихие проник?*

*Майским берегом ступая,
девушка у моря шла
и, весною обдавая,
тайну юности несла.*

Сергею Арушановичу Агындиа исполнилось 70 лет. Я желаю ему здоровья, и это в первую очередь. И новых стихов и переводов желаю – как продолжение здоровья: духовного и творческого. И жду, с нетерпением жду, когда он скажет, а он скажет обязательно: «Обрати внимание на этого автора».

Артавазд САРЕЦЯН,
член союзов писателей Абхазии
и Армении

ЗДЕСЬ МОЖНО ОТКРЫТО ПОГОВОРИТЬ
о тенденциях развития культуры

Детский
культурный

ФОРУМ

По приглашению Министерства культуры России делегация Абхазии примет участие в работе II Международного детского культурного форума, который пройдет с 10 по 12 августа в Москве. Более двух тысяч детей из всех регионов России и стран ближнего зарубежья соберутся в Новой Третьяковке, чтобы обсудить темы, связанные с культурой, познакомиться с различными направлениями в искусстве, найти друзей и единомышленников, а также задать свои вопросы министру культуры РФ Ольге Любимовой.

Второй раз Москва становится центром притяжения талантливых и инициативных детей из разных стран. Концерты и мастер-классы, арт-школы и сессии, лекции и встречи с известными деятелями культуры, представителями государственных и общественных структур – это далеко не весь

список занятий, которые организаторы подготовили для юных участников форума.

В этом году на специальной сессии с участием министра культуры РФ Ольги Любимовой пройдет подведение итогов конкурса детских проектов в сфере культуры и искусства «Культурная инициатива». До начала форума на конкурс были представлены проекты юных участников. В результате конкурсного отбора выбраны проекты-финалисты. Дети их презентуют, а министр оценит предложенные проекты и определит победителя. Лучший проект получит финансовую поддержку от Минкультуры России. Всех финалистов награждают грамотами, которые торжественно вручит Ольга Любимова.

Для участников форума предусмотрена яркая культурно-познавательная программа: посещения Российского национального музея музыки, Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Государственной Третьяковской галереи, «Киноконцерта «Мосфильм», ВДНХ, Большого Московского государственного цирка на проспекте Вернадского, Московского концертного зала «Зарядье» и многих других.

По сообщению официального
сайта Минкультуры РА

Благотворительность:
«СПАСЕМ ЖИЗНЬ ВМЕСТЕ!»

Мы не раз писали об Аслане – девочке, которая буквально выросла на глазах у жителей Республики Абхазия. У девочки – «несовершенный остеогенез», являющийся редким заболеванием, связанный с повышенной ломкостью костей.

В течение 11 лет мы вели сбор средств на 23 курса лечения, во время которых девочке были проделаны шесть сложнейших операций, а также медикаментозная терапия для укрепления

костей.

Сейчас Аслане 12 лет, она сильно выросла, ранее установленный штيفт согнулся и вызвал деформацию правой ноги в районе голени. Сейчас для комфортного передвижения и во избежание необратимых последствий ей необходима срочная операция по установлению нового штифта.

Аслану уже ждут в Москве, в современном многопрофильном хирургическом центре GMS clinic, для проведения операции по коррекции деформации правого бедра с установкой телескопического стержня Fassier-Duval, удлиняющегося по мере роста кости девочки. Стоимость операции составляет 1 млн 660 тыс. рублей, и без вас нам не справиться!

Дорогие соотечественники! Мы уверены, что вы не останетесь равнодушными и окажете помощь в сборе средств на лечение нашей маленькой, но очень отважной Асланы. Любая ваша помощь будет принята с великой благодарностью!

АШАНА
культурно-
благотворительный
фонд

Библиотека одного рассказа

Адамыр одну ногу на войне оставил. Шутит: «Как сапог в грязи застрял!». Он с детства был с таким характером, что должен был быть впереди всех, когда в этом надобность была. И на войну он одним из первых пошел. Когда командовали («в атаку!»), боялся, что кто-то его опередит. Он хотел каждого врага собственноручно уничтожить...

«Берия, да гореть ему в аду, — подняв выше единственную ногу, думал Адамыр, — самых худших из их рода сюда приволок. От начала и до конца Абхазию ими заселил. Опутал как паутиной. На одно абхазское село два грузино-мегрельских сел приходилось. А о том, что города Сухум, Гагра и Очамчыра были заполнены ими, и говорить нечего. Будто без них нельзя было здесь что-то строить, будто жизнь могла быть хорошей только там, где они водились... Сколько несчастья принесли нашему народу Сталин да Берия, чтобы на том свете им покоя не было!»

— Кама, — крикнул он, повернувшись в сторону амагурты, кухни во дворе, — жажда мучает, поспеши, принеси мне кислого молока с водой.

— Сейчас, — ответила тотчас маленькая Кама, будто ждала его слов.

«Каков бы я ни был, сижу во дворе своего дома, в тенечке — вернулся к мыслям Адамыр, — а как быть тем семьям, чьих сыновей в гробах привезли? Кто поставит их детей на ноги? Кто о них позаботится? Будет ли лучшая жизнь, елки-палки?... Времена бы хорошие настали...»

— Вот, — Кама протянула ему полный стакан, — только до конца допей. Вся гуща на дне!

— Ради тебя так и сделаю, — улыбнулся Адамыр дочке, отгоняя от себя грустные мысли, и протянул руку, будто хотел погладить отсутствующую ногу. Он так и не привык к ее отсутствию. Протянутая рука повисла в воздухе. При ком-то он, постыдившись, опустил сразу руку. Как раньше, в детстве, когда они с Баталом ходили на рыбалку, когда он искал под камнями рыбок, руку пустой вытаскивал... Когда он забирался под камни с одной стороны, хитрые рыбки уплывали с другой стороны. Оказывается, там у них был выход из норки. Об этом он узнал позже... Сперва надо было засыпать этот вход, но...»

«Понесешь ведь, постарайся, — Адамыр провел рукой по оставшейся ноге, как будто хотел ее умаслить. Он так делал, когда куда-то собирался. Разговаривал со своей единственной ногой, когда никого рядом не было, пел ей песню о ранении, чтобы придрать ей силы.

Рана — для мужчины испытание!..

Тебя мне Бог оставил, чтобы могла меня вести туда, куда мне нужно. Можешь ты или не можешь... Разве ты когда-нибудь слышала стенания от моей деревяшки, что вместо другой ноги меня носит?! Может, и ей не по душе с утра до вечера с нами туда-сюда ходить? Что мы, когда с тобой уставшие садимся где-нибудь, тебя на него кладу, чтоб тебе было легче?..»

Адамыр и Батал с самого детства были неразлучны, одним воздухом дышали. Мало того, что были сверстниками, жили по соседству, еще и молочными братьями были. Мать Адамыра после его рождения попала в больницу и пролежала там долго. Мать Батала, Шахусна, кормила его грудью все это время. «Это твое, а вот это — твое, — на каждого ребенка Шахусна определила груди, — только если будете сориться, вообще ничего не получите... Кашу из муки будете есть!.. Да, да, кашу на воде!»

Адамыр, «приголубив» ногу, попробовал встать. Хибла сегодня с самого утра в огороде. Не до него ей. Видит, что сидит в тенечке, и спокойна. Если сейчас упустить огород, то зарастет травой. Да еще такой травой, которая заглушит все живое...

— Что бы ни случилось, сегодня я должен туда пойти, — разговаривал Адамыр со своей ногой вслух, — если даже ты и откажешься... Когда тебе выгодно, прячешь боль. Подстраиваешься под меня. Разве не видишь, что я в последнее время, чтобы не быть тебе обузой, стал меньше есть. Раз так, то и ты пойдешь мне навстречу. Не скажу — бегать надо, но мертвой тоже не притворяйся...

Адамыр не хотел говорить Хибле, что собирается на кладбище. Опять раскроешь душевные раны, да и нога будет потом опухать, — скажет она. Если б кто-нибудь из соседей зашел, попросил бы довести. Но и у них дел по горло, никого не хочу беспокоить. Пока в силах, буду сам себя обслуживать...

«Хочу один к тебе прийти. Сегодня у нас есть разговор наедине, — Адамыр, как обычно, «разговаривал» с Баталом, — ты всегда делал то, что задумал. Тебя невозможно было остановить, как пробку от шампанского. Если бы в этот день, послушался меня...»

Завершив дела в огороде, Хибла сейчас готовила еду в амагурте. И свежровь подняла с постели, умыла и посадила у очага. Сидя там, та могла по силе возможностей помогать Хибле проследить за мамалыжной заваркой или сварить фасоль, могла даже на вертеле курочку зажарить. Самым главным ей было дойти до места, до скамейки. А дальше как хороший генерал могла командовать своей «армией».

«Как же рано вы меня подвели, — она тоже ругала свои ноги, — видите же, в

уважить, пожалеть. Кто его знает, сколько, как я, они помощь оказывали... Не делай так, чтобы они на меня косо смотрели...»

Опять, забывшись, потянул руку в сторону несуществующей ноги. Ему иногда казалось, что она чешется или же онемела.

Солнце потихоньку взошло над холмом. Адамыру показалось, что и оно куда-то торопится, но разве можно все небо так быстро обойти?! Сколько народу ждут его появления на небе, будто пропавшую корову выискивают! То, что солнце появляется по желанию самого Бога, им неведомо. Не могут к этому привыкнуть...

«Сегодня все на праздник собираются, — Адамыр вернулся к разговору с Баталом, — в самом центре нашего села открывают памятник. В вашу честь... Будут выступать и те, кто этого достоин, и те, кто не достоин... С ними я позже разберусь. Думаю, нога меня доташит и туда. Но пока мы с тобой по душам поговорим, покурим. Только не смей обижаться на меня, не выслушав до конца... Мне некогда сегодня тебя умасливать. Я же сказал, что на сегодня у меня дел непочатый край. Мне надо и на открытие памятника попасть...»

Анатолий лагулаа ДА НЕ ПРЕРВЕТСЯ МОЙ РОД ... Перевел Виталий Шария

каком состоянии Адамыр. Все на мою невестку свалилось. Если бы нам не досталась такая невестка, не знаю, что б делали... Тем более, мне кажется, что она в положении. В последнее время на кислое ее тянет, да перейдут на меня все ее беды!.. То там, то тут вижу обгрызенную алычу зеленую...»

Адамыр встал при помощи костылей. Вначале это ему с трудом удавалось. Когда вставал во весь рост, выпрямлялся, откуда ни возьмись появлялись силы. Если при первых шагах не кружилась голова, то дальше становилось легче.

— Куда ты, отец?! И я с тобой! — неожиданно, как лучик света, появилась перед ним Кама.

Он мог, когда хотел, взглядом утихомирить Каму, мог и рассмешить, обрадовать. Сейчас взглядом дал ей понять — хочет быть один.

Кама вернулась к своим игрушкам.

Адамыр с осторожностью прикрыл за собой ворота, будто боялся сделать им больно. В последнее время, если куда-то недалеко ему надо было идти, чтобы никого не беспокоить, так и делал, уходил втихомолку.

«Если бы в самом конце ты не пошел за нами, оставив свое место, ничего бы не случилось, — опять заговорил он с Баталом. — Мы почти их окружили. Они сами уже поняли, что им конец... Наших сил хватало. Зачем же ты тогда догнал нас?.. Ты всегда был как горячие угли. Много не надо было, чтобы ты вспыхнул и превратился в огонь. Если хочешь правду, мы и не взяли тебя, зная твой норов...»

Адамыру вдруг показалось, что эти его слова услышал живой Батал. Навсегда бы рассорились. «Как это так?! Вы пошли в атаку специально, не сказав мне?!» «Да, нет, Батал... Не специально... Просто посчитали, что то место тоже было значимым. Враг и оттуда мог появиться...» «Там вместо меня любой мог держать оборону. Я был нужен вам...»

Адамыр прервал свой «диалог» с Баталом. Он подумал, что если сейчас не остановится, то дня на два-три они «будут в ссоре». Если он обиделся, то растопить его сердце было трудно. Спустя время мог вернуться в обычное состояние — как река в прежнее русло. Но во время войны именно этого времени ни у кого и не было...

«Мы должны одолеть этот косогор во чтобы то ни стало, — Адамыр вернулся к беседе с ногой, — не заставляй людей смеяться над нами!.. Да и костыли надо

Адамыр открыл ворота и вошел внутрь ограды кладбища. Расположился на скамье, вытянув ногу. Вытащив штоф с водкой из кармана пиджака, налил в рюмку и отплеснул немного возле могилы. Затем так же отплеснул немного воды. «Ты всегда водку водой запивал, говорил, что они там разберутся друг с другом». Затем вытащил из кармана аджинджуху и горстку орехов и положил на столик у могилы. Прикурив одну сигарету и положил рядом.

«Сейчас не начни сразу со мной спорить, — посидев немного, начал он разговаривать с Баталом, — зачем ты оставил свое укрепление и пошел за нами. Ты ведь знал, что наших сил достаточно. И потом мы ведь с тобой договаривались, что на один и тот же бой вдвоем не будем ходить. Мы же с тобой не были обычными братьями, но значили друг для друга еще больше. Мы же решили, что кто-то должен остаться, если даже что... Кому-то из нас нужно было взять на себя заботу об обеих семьях... Тогда, когда тебе надо, ты ничего не забываешь. Если бы я поступил как ты, то пожизненно дулся бы на меня. Ходил бы злой на меня!..»

Адамыр себя попридержал. Вытащил еще одну сигарету и закурил. Он думал о том, как Батал воспринимает его слова...

«Когда тебя привезли домой, говорят, твоя мать Хима сразу спросила — жив ли я. Когда ей сказали, что меня раненого повезли в госпиталь, тогда она еще раз с силой расцарапала лицо. Я остался жить, но до сих пор себя проклинаяю, что не смог тебя остановить.»

Адамыр опять провел рукой по направлению к отсутствующей ноге. «Как же она сегодня чешется. Может, как выпавший молочный зуб, вновь хочет вырасти?! Мою ногу тоже здесь похоронили. Недалеко от тебя. Знают ведь, когда-то и меня сюда поднимут. Тогда мне обе ноги понадобятся. Не буду же я и на том свете на одной ноге прыгать?!»

Адамыр понимал, что он сегодня перебарщивает, что Батал может «обидеться». Но почему-то сегодня ему хотелось высказать все, что накопилось на сердце. Его беспокоило не столько то, что он больше жизни своей любил Батала, а то, что не мог уделять должного внимания его двоим детям, жене и матери. Некоторые на трофеях разжирели так, что забыли, какими они были раньше. Забыли тех, кого война голяком по миру пустила, тех, у кого кормильцев унесла. Сперва их надо было на ноги ставить, оказывать им помощь, а потом и о себе подумать. Но люди, чьи мозги затмило чужое добро, забыли обо всем, даже о тех, кто с ними бок о бок воевал, забыли о их семьях. Может, сама война во всем и виновата... Может, выжив в этой мясорубке, некоторые таким образом выражали любовь к самому себе.

«Давай еще по одной стопочке пропустим, — Адамыр продолжил разговор с Баталом, — этот тост за ушедших. Тебя я к ним до сих пор не причисляю. Не могу. Когда, находясь дома, «разговариваю» с тобой, моя жена говорит, что я уже с вами в вашем мире. Мне кажется, что она недалеко до истины. Ведь моя нога уже там. Ждет меня!»

Хима с Камой знали, что он поднялся на кладбище. Но не хотели пока ему мешать. Знали, что он там может высказать все, что на душе. Вернувшись оттуда, несколько ночей мог спать спокойно... И до войны они были неразлучны. О чем только ни говорили долгими ночами...

«Сегодня остановимся на трех стопках, — Адамыр погладил могильную землю, в третий раз наполнил рюмку, — опять я первым подниму, потому что знаешь ведь, что я на целых три дня старше. Только потом ты меня догнал. Разве ты давал мне без тебя жить?! Третий тост — за народ. Дай Бог, чтобы был мир, чтобы не было войны. Помнишь, раньше тоже мы с то-»

(Окончание на 4-й стр.)

(Окончание.
Начало на 3-й стр.)

ДА НЕ ПРЕРВЕТСЯ МОЙ РОД...

бой первые три тоста всегда по очереди поднимали. После них прибудившиеся тосты появлялись. Как хотели, так и крутили. Не по правилам. Могли какой-то не совсем важный вперед подвинуть. Это как с грузинской демократией – что захотели, то и навертели. Но эти три первых тоста были незабываемыми. Человек, понимающий толк в этом деле, мог бы нас из-за стола прогнать за такую самодеятельность... Короче, и сегодня я на этих трех останавливаюсь. Да и на одной ноге не поскачешь как раньше. От многих вещей, что ранее мог, приходится отказываться...»

Адамыр, осушив стакан в третий раз, вновь наполнил и поставил на столик у могилы. Еще одну зажженную сигарету рядом положил. Солнце медленно поднималось. Наверняка люди уже собрались на месте открытия памятника. Если туда придет, обязательно попросят слово сказать... Опять он вспомнит тех, с кем воевал. Опять вернется в те злосчастные дни. Никогда он не будет хвастаться своими подвигами. Пока он жив, пока он может говорить – он будет рассказывать только о героизме тех, кто ушел в мир иной. Может быть, стоящие здесь дети донесут эти слова до будущих поколений, как пчела приносит свой нектар. Может быть, тогда погибшие во славу Родины будут среди живых. Может, тогда хозяевами Апсны

будут те, кто любит ее, а не те, кто попирает её законы и язык. Их всегда должно объединять одно – любовь к Родине. Эта любовь должна быть необходимой, как воздух, без нее не дышать, не жить... Поэтому они и погибли. И это должны знать следующие поколения. И это должно быть у них в крови.

«За спиной у тебя все прекрасно, – начал опять Адамыр, – твои дети растут. Бог на них смотрит, да и мы стараемся без внимания не оставлять. Если доживу до их свадеб, на одной своей ноге танцуя, пройду палатку от начала и до конца! Свои костыли буду просить, чтобы поддержали! Если даже не буду проворен, как в те времена, когда мы с тобой танцевали, руками буду как крыльями махать. Дай Бог до этого дожить, все сделаем!»

Адамыр встал и открыл ворота. Ему хотелось уйти, но что-то его останавливало. Что же могло его еще задерживать? Вроде бы «по душам поговорили»... Теперь дней пятнадцать, двадцать будет спокоен. Но нет, он знал такое, чему Батал бы безумно обрадовался. Но сам он не только об этом говорить, даже думать стыдился. Удивлялся, что эта новость на языке сейчас крутится.

«Твоей невестке стало трудно к тебе подниматься. Боюсь, что этим летом алыче в округе не даст пожелтеть!..»

Сказав это, Адамыр покраснел. И не

оглядываясь назад, направился домой. Он никогда так не стеснялся Батала. Пока он был живой, много шуток они говорили друг другу, но сейчас было сложно...

В это время подошли Хибла с Камой. Кама держала в руках полевые цветы. На Хибле было недавно им купленное голубого цвета платье.

– Мы тоже пришли, – сказала Кама, показывая, что не в обиде от того, что он без них сюда поднялся. – Эти цветы на могилу положить принесли...

– Это хорошо, – сказал Адамыр, обводя теплым взглядом жену и дочь, – правильно сделали. Пойдите плесните-ка немного воды на могилу...

– Я первая, – сказала Кама, – мы и свежей воды с собой принесли.

– Подожди, я тебе покажу, как это делать, – Хибла наполнила стакан водой и показала ей место, куда надо его вылить. – Что надо сказать? – посмотрела она на дочь.

– Пусть будет во благо, – сказала Кама.

– Жизни тебе долгой, – погладила дочку по голове Хибла.

Пока они стояли у могилы, Адамыр успел еще одну сигарету выкурить. Отсюда видел, как к центру села стекают люди. Адамыр обрадовался тому, что среди них было много молодежи и детей. «Как маленькие ручейки, вливаясь в реку,

превращают его в большой поток. Скоро и мой ручеек вольется в эту жизнь, – подумал Адамыр, поглядывая на Хиблу и Каму, – пока еще ручеек, но потом будет бурлящим потоком... Если Богу, этому вершителю судеб, будет угодно, не останемся несчастными...»

– Пойдем уже домой, – Хибла посмотрела в глаза мужу, – на открытие памятника тоже надо успеть. И для этого у меня букет припасен дома...

– Как вижу вы сегодня на славу подготовились, – обрадовался Адамыр. Руку, как обычно потянувшуюся в пустоту, отдернул и дотронулся до Хиблы, – может будет сын, который стал бы мне опорой!

– Молчи, да будет так, но с нами ребенком...

– Что не так сказал? Сама знаешь, пока буду жив, буду сюда подниматься. Вот мне и нужна опора. Сын.

– Если нужен, то и будет, тем более, что вашему роду всегда сыновья были предначертаны, – сказал Хибла, видя, что Кама далеко вперед ушла.

Адамыр с удовольствием рассмеялся. Он много раз думал о том, что и до него дошел вопрос продолжения рода. И это было важным, а то жизнь могла пошатнуться, как крепость, которую подмыла река. Потом, решив, что на кладбище нельзя о таких вещах думать, начал спускаться с Хиблой, не оглядываясь назад.

ОСТАВШИЕСЯ ЛЕГЕНДАМИ ИСТОРИИ...

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

агрессии и решительным схваткам с оккупантами. Его слова взбудоражили нас.

Позже я приехал сюда же, в Верхнюю Эшеру, со Степаном Зантариа, который прилетел с Восточного фронта за оружием и боеприпасами. Степа показывал нам золотые вещи, драгоценности, собранные женщинами, чтобы обменять их на оружие и патроны. «Восточники» – бойцы Восточного фронта готовы были выдерживать все: блокаду, холод, голод, единственное, что не давало им покоя, это страшный недостаток оружия. Мушни спустился с нами в штаб, размещавшийся в подвале ресторана «Эшер» и, услышав от Степы информацию о реальном положении дел на фронте, сказал, что для таких настоящих бойцов ничего не жалко. Пройдя с нами на склад, он собственноручно выбрал для Степы несколько аккумулятивных противотанковых снарядов и другие боеприпасы. Получив поддержку, Степа был на седьмом небе. Мушни и Степа были знакомы – еще задолго до войны они частенько встречались на экспедиционном поле в прибрежье села Тамыш, где Мушни проводил археологические раскопки.

Последний раз я видел Мушни Хумсевича в селе Джгярде, куда я прибыл вертолетом накануне Кочарской операции, чтобы вживую пообщаться с бойцами и подготовить информацию для СМИ. Кажется, этим же рейсом вместе с нами в Джгярду прибыли друзья Мушни из Питера. Они влились в подразделение, которым командовал Мушни. Некоторые из питерских добровольцев сложили головы на поле брани. Временный штаб в селе Джгярде размещался во дворе Хакибе Амицба. В доме я поздоровался с моим другом Мушни. Отложив Библию, отдельные заповеди которой он задумчиво перечитывал, Мушни пожал мне руку, скупой улыба-

ясь. Я понял, что к предстоящей Кочарской операции он готовил себя психологически и духовно. Видимо, Библия вселяла в него новые силы и веру в Победу.

Мушни был не только вдохновителем многих наших побед, но и их идеологом. Ему верили, его уважали, он был предан Родине до мозга костей. Он оставил уникальное научное наследие. А его незаурядные полководческие способности и подвиги – часть нашей не до конца исследованной новейшей истории. Уверен, что к ней мы будем возвращаться на нелегком пути возрождения нашей государственно-сти».

...Вспоминаю я и свою беседу с художником, кавалером ордена Леона Баталом Джапуа, который сказал, что Мушни был прежде всего воином и неординарным, масштабно мыслящим человеком.

Он также рассказал мне эпизод войны, когда они с Мушни ехали на арбе и, проезжая Джгярду, Мушни указал на холм и сказал: «Видишь этот холм? Это могильник. После войны я его раскопан!» Археолог – палеолитчик (древний каменный век, первая эпоха каменного века) – редкая профессия в исторической науке. Мушни ещё в студенческие годы, в 1980 году, обнаружил в километре к северу от села Хуап стоянку древнего человека. Она находилась в пещере Мачагуа на высоте 625 метров над уровнем моря. Потом, в течение нескольких лет, начиная с 1986 года, он работал с этим памятником, открыл рядом еще пещеры. До него пещеры Мачагуа никогда не исследовали. После завершения учёбы Мушни Хварцкия работал в экспедициях под руководством ленинградского профессора, специалиста по археологии палеолита В. П. Любина, вел раскопки в селах Бзыпте, Тамыше, Анхуа, Кистрик, Мгудзырхуа, был научным сотрудником отдела АбНИИ. В 1987 он становится соискателем учёной степени кандидата исторических наук при Ленинградском отделении Института

археологии АН СССР, его статьи, в том числе и про пещеру Мачагуа, появляются в печати. Параллельно Мушни Хварцкия изучает материалы фольклорного и этнологического характера, европейскую и восточную философию, уфологию, парапсихологию, вопросы религии, увлекается резьбой по дереву и обработкой камня. Будучи заместителем командующего Гумистинским фронтом, стабилизировав линию обороны на Гумисте, он отправился на Восточный фронт, где шли активные боевые действия. Его неутомная натура не жаждала покоя.

...Говорят, что судьба указывает знаки, что мистическое есть и в судьбе тех, о ком я сейчас пишу. Судите сами. В 1977 году Адгур Инал-ипа сыграл главную роль в фильме «Повесть об абхазском парне», повествующем об участнике Великой Отечественной войны, командире дивизиона 307-го артиллерийского полка, Герое Советского Союза Владимире Харазия. В бою под Харьковом он лично подбил восемь немецких танков. Пал смертью храбрых. А у Мушни Хварцкия на столе стоял портрет корнета Коция (Констан-

тина) Лакрба (Лакербай), легендарного командира Абхазской сотни в Первую мировую войну, который героически погиб в Галиции.

Оба моих героя – Адгур и Мушни повторили их судьбу, погибли, защищая то, что любили больше всего – свою Родину.

Учёные и воины. Они всегда в авангарде исторических событий. И их гибель – невосполнимая утрата и для семьи, и для страны. Сколько открытий они могли ещё сделать, как обогатить науку, в очередной раз прославить страну, которую так любили. И они оба обязательно бы стали героями моих телепередач!

Я не зря начала этот материал с обсуждения понятия Героизм. Героизм народа – будущее любой страны. И задача общества – постоянно прививать современному поколению уважение к тем, благодаря которым страна живёт под мирным небом, вселять в него веру в величайшую жизненную идею, в правду и справедливость наших Героев. И очень хочется, чтобы память о них жила вечно!

Вика ДУМАА

На снимках:
Мушни Хварцкия и Адгур Инал-ипа.

Объявления

Общество с ограниченной ответственностью «РПТ-Абхазия» (ОГРН 121РА000438; ИНН 11018862; КПП 111102300) уведомляет о том, что решением единственного участника ООО «РПТ-Абхазия» (Решение №8 от 1 августа 2023 года) принято решение о ликвидации ООО «РПТ-Абхазия». Ликвидатором назначен Гулиа Заур Александрович.

Требования кредиторов могут быть заявлены в течение 2-х месяцев с момента опубликования сообщения о ликвидации в газете «Республика Абхазия».

Адрес для приема требований кредиторов Общества: г. Сухум, ул. Басария, д. 73, кв. 82.

«ГНУ «СФТИ АНА» сообщает о ликвидации с 1 июля 2023 года Общества с ограниченной ответственностью «МСЧ-А» Государственный регистрационный № 107РА001708 и принятии требований кредиторов (дебиторов) в двухмесячный срок с момента опубликования данного сообщения в соответствии со ст.63 Гражданского кодекса «Порядок ликвидации юридического лица».

АПСНЫМЕДИА

РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «АПСНЫМЕДИА»

Р/с РГУ «Апснымедиа»:
4050 3810 0000 0000 0016

Наш адрес: Республика Абхазия, г.Сухум, ул. Званба, 9.
Тел.: +7 (840) 226-45-11, +7 (840) 226-78-72

И. о. гл. редактора Артавазд Сарепян
Сайт: gazeta-ra.info E-mail: gazeta_ra@rambler.ru

МНЕНИЕ РЕДАКЦИИ МОЖЕТ НЕ СОВПАДАТЬ С МНЕНИЕМ АВТОРОВ

ГАЗЕТА ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В НЕДЕЛЮ, ОБЪЕМ — 1 ПЕЧ. Л., ЦЕНА — 20 РУБ.

Материалы внештатных авторов, не заказанные редакцией, принимаются в объеме до 5000 знаков с учетом пробелов. Редакция не вступает в переписку с авторами.